

Гарри был разбужен грохотом далекого грома, эхом перекликавшимся с шумом проливного дождя, который стучал в соседнее окно. Он безмолвно поблагодарил гром за то, что тот вырвал его из того, что, по его мнению, должно было быть очень дурным сном, детали которого затерялись в его затуманенном сознании, и с каждым мгновением становились все более размытыми и нечеткими. Первая вещь, которую он осознал, — это то, что его шрам болезненно пульсирует, вызывая почти ослепляющую головную боль, которая еще больше затуманивала его разум. Второе, что его поразило — это то, что он был чертовски голоден.

Гарри пытался вспомнить, что же он делал, прежде чем заснуть, но почувствовал себя настолько усталым и истощенным, что выбросил эти мысли из головы. Кровать, на которой он лежал, была удобной, в комнате было тепло, ему было вполне комфортно. Гарри перекатился на бок, надеясь снова заснуть, но его опять одолел приступ голода, и ему пришлось встать с кровати, чтобы поискать хоть немного еды.

Наконец Гарри открыл глаза и заморгал, пытаясь избавиться от зуда, который он почувствовал. Он осмотрел темную комнату, в которой он находился, и вскоре понял, что лежит в спальне, которую они с Роном делили несколько лет назад, когда они жили на площади Гриммаулд-Плейс. Он на ощупь потянулся влево, ища тумбочку и свои очки, которые, как он надеялся, находятся именно там. Надев очки на переносицу, Гарри взглянул на соседнюю кровать, и был удивлен, обнаружив лежащего там Рона; он еще больше удивился, заметив, что Рон в постели не один.

Он увидел, что Рона от его взгляда загораживала хрупкая фигура с очень длинными золотисто-белыми волосами, которые покрывали их торсы. Он почувствовал себя смущенным, ведь простыни соскользнули с их спин, не оставляя абсолютно никаких сомнений в том, что и Рон, и девушка, лежащая рядом с ним, были совершенно голыми, по крайней мере, до пояса. Он сразу узнал Полумну. Гарри ненадолго задумался, когда это они успели стать так близки.

В животе Гарри громко заурчало. Он решил оставить их одних, чтобы перекусить, и молча направился к двери. Прежде чем закрыть за собой дверь, он оглянулся и улыбнулся, понимая, что Рон не издает свой обычный жуткий храп. Наверное, Полумна все-таки хорошо на него влияла.

Он прошел по коридору к лестнице и заметил, что его суставы сильно болят — так, как будто он давно ими не пользовался. Достигнув второго этажа, Гарри увидел в тусклом свете Котоне, спящую на полу у закрытой двери библиотеки.

Гарри услышал, как Котоне вздохнула, когда он поднял ее с пола; он обратил внимание на тусклый свет, струящийся из-под двери библиотеки. Как только он прижал ее к своей груди, белые волосы Котоне легко, но уверенно обвили его шею, а ее хвост изящно обвил руку Гарри. Он отнес ее в главную спальню и заметил, что на ней надета фарфоровая маска, закрывающую нижнюю часть лица. Уложив Котоне на свою кровать, он попытался снять с нее маску, но та не сдвинулась с места. Похоже, что маска не мешала ей дышать, и Гарри решил ее не трогать.

Накрыв Котоне легкой простыней, он вышел из комнаты, размышляя про себя, стоит ли ему

идти туда, куда он изначально собирался — на кухню, чтобы что-нибудь поесть, или посмотреть, что делает Гермиона, ведь было очевидно, что она в библиотеке. Учитывая поздний час, Гарри решил, что она или что-то изучает, или заснула во время процесса. В любом случае, ей нужно было выспаться, а он обязательно к ней зайдет после того, как завершит свой набег на холодильник.

Гарри приоткрыл дверь библиотеки и огляделся по сторонам. Несколько зажженных свечей, укрепленных в подсвечнике на ближайшем читальном столе, тускло освещали комнату. Ну и, конечно же, он увидел Гермиону, сидящую в мягком кресле рядом с холодным камином. Она наклонилась вперед, подложив под ступни подушку, а ее на коленях лежал огромный раскрытый фолиант.

Когда он подошел к Гермионе, то решил, что она спит, пока не присмотрелся к ней повнимательнее. Ее глаза были неподвижны и сосредоточены на какой-то точке страницы; но она точно сейчас не читала. Скорее всего, она даже не заметила, как он вошел в комнату, потому что продолжала сидеть с таким же потерянным выражением лица. Ее губы слегка шевелились, как будто она шептала слова, слышимые лишь ей одной. Несколько мгновений Гарри с тревогой смотрел на нее, а затем слегка кашлянул.

Ее глаза оторвались от книги, лежащей у нее на коленях. Когда Гермиона взглянула на него, он заметил в ее глазах короткую вспышку паники, но она тут же сменилась страхом.

— Гарри? — спросила она чуть нервным тоном.

Гарри смотрел на нее несколько секунд, недоумевая, чем же она так расстроена. Он улыбнулся и шагнул к ней, но замер, когда она неожиданно съехала в кресле и подтянула колени еще ближе к себе, прижимая книгу к своей груди, словно пытаясь себя защитить. Его улыбка исчезла, когда он заметил в руке Гермионы палочку, направленную прямо на него.

— Гарри? — переспросила она напряженным дрожащим голосом.

Сбитый с толку, Гарри обернулся и посмотрел назад, думая, что она увидела, как к нему кто-то подкрадывается или что-то в этом роде. Он вновь повернулся, взглянул на нее и спросил:

— Гермиона, да что случилось?

Ей было достаточно услышать, как он произнес ее имя, ведь «одержимый» Гарри никогда этого не делал, и она поняла, что он вернулся.

— Гарри! — вскрикнула она с облегчением, позволив книге выскользнуть у нее из рук и с шумом свалиться на пол. Затем она вскочила со стула и чуть не повалила его на пол, задушив в своих объятиях. Крепко прижавшись к нему, она буквально выдохнула ему в плечо: — Я так волновалась! Я чуть не потеряла тебя!

Гарри лишь весело улыбнулся, глядя на копну волос, накрывавших его лицо, и сказал:

— Чуть не потеряла меня? О чем ты?

Гермиона подняла голову с его плеча и посмотрела ему прямо в глаза:

— Разве ты ничего не помнишь — из того, что произошло за последние несколько дней?

Его веселая улыбка сменилась задумчивым хмурым взглядом. Теперь, когда она об этом упомянула, он понял, что даже не знал, что он делает на площади Гриммаулд-Плейс, и даже то, как он вообще туда попал.

Увидев смущенное выражение его лица, она продолжила:

— Неужели ты не помнишь? Когда Малфой вручил тебе медальон...

— Медальон! Медальон из комнаты, которую мы не можем увидеть!

Туман в его голове мгновенно рассеялся. Он вспомнил, как прибыл сюда из Хогwartса вместе с Роном, Полумной и Котоне, когда Гермиона обнаружила в доме Малфоя... Он вспомнил комнату, которую мог видеть один лишь Малфой, и то, как он выходил из комнаты с медальоном на цепочке. Он сразу понял, что это и был настоящий хоркрукс.

После непродолжительной борьбы он высвободился из объятий Гермионы и с тревогой спросил:

— Медальон! Где он? Кто-нибудь еще его трогал?

Гермиона с озабоченным видом сунула руку в карман и вытащила теперь уже лишенный души Волдеморта медальон. Медальон свисал с цепочки, когда она протягивала его Гарри. Он потянулся к нему, но затем заколебался. Что-то случилось, когда он коснулся медальона в прошлый раз. К тому же прикосновение к медальону было последним, что он мог вспомнить.

— Теперь уже все в порядке, — сказала Гермиона, заметив его колебания. — Фрагмент души покинул медальон. Я... Он был уничтожен. Теперь это просто обычный медальон, видишь?

Она взяла медальон и легко открыла его, обнажив очень старую фотографию молодой женщины с очень тонкими взлохмаченными волосами, а ее глаза, казалось, смотрели в разные стороны. Гарри показалось, что он узнал это лицо — он видел его в Омуте памяти, когда отправился туда с Дамблдором. Если это не Меропа Гонт, то точно фотография кого-то из ее семьи.

Гарри взволнованно посмотрел на Гермиону:

— Как же...

— Как ты себя чувствуешь, Гарри? — спросила Гермиона, умело избегая вопроса, который он хотел ей задать. Она знала, что, в конце концов, ей придется рассказать ему обо всем, но сейчас она не собиралась признаваться в своих недавно обнаруженных способностях к сомнительной магии, уровень которых она еще и сама не до конца понимала.

— Ну, сейчас уже, наверное, хорошо. Когда я проснулся, я был немного ошеломлен, но когда ты упомянула Малфоя и медальон... Эй, а где он вообще? Если Рон и Полумна... эм... спят, ты здесь, я сам уложила Котоне в постель, то где сейчас этот хорек?

Гермиона провела остаток ночи, рассказывая Гарри, что произошло с того момента, как он прикоснулся к медальону, пока не дошла до того момента, когда она использовала ритуал экзорцизма, чтобы изгнать из Гарри фрагмент души Волдеморта из медальона. Она описала ему множество конкретных деталей, как именно она выполняла этот ритуал, и умолчала о том, что она фактически отправила фрагмент души в Преисподнюю. Она не упомянула все те грязные, ненавистные вещи, которые он сказал ей, находясь под влиянием хоркрукса, и не сказала, какой тип магии использовала, чтобы уничтожить фрагмент души Волдеморта. Она просто заявила, что этот ритуал был описан в одной из книг Котоне. Гермиона не чувствовала, что лжет ему, просто она опускала некоторые детали, не зная, как Гарри посмотрел бы на нее, если бы знал всю правду — ведь ей самой с некоторых пор было достаточно трудно смотреть на себя в зеркало.

Шли часы, Гарри внимательно слушал историю событий, и когда Гермиона закончила, он выдохнул и спросил:

— Его больше нет? Еще один хоркрукс действительно уничтожен?

Гермиона улыбнулась искренней, как она надеялась, улыбкой и кивнула.

— Итак, дневник, кольцо и медальон... Мы знаем, где находится палочка, если это действительно хоркрукс. Мы почти уверены, что Нагини рядом с Волдемортом, но мы и понятия не имеем, где может быть чаша Хельги Хаффлпафф; мы лишь предполагаем, что это место, имеющее какое-то отношение к прошлому Волдеморта. Место, где он что-то узнал о себе или же... Подожди минутку...

Гарри задумчиво нахмурился, похоже, пытаясь что-то вспомнить.

— Важные места... Что-то такое, что стало важной вехой в его жизни, особенно в его жизни в волшебном мире...

Гарри посмотрел на Гермиону и спросил:

— А что насчет тебя? Какие у тебя самые важные воспоминания о волшебном мире?

Гермиона на мгновение задумалась, пытаясь понять, что Гарри имел в виду. Волдеморт использовал пещеру, где мучил своих товарищей-сирот, именно там он впервые осознал, что он «особенный». Кольцо хранилось в доме его предков, в настоящей хижине, и оно было важно, потому что он был последним наследником рода Слизерина. Если палочка, находящаяся в магазине Олливандера, действительно принадлежала Ровене Рейвенкло и это был один из его хогкруксов, то это, безусловно, и было самым важным моментом в его жизни. Получение первой палочки, доказывающей ему самому и всему миру, что он действительно волшебник. Некто «особенный». Они понятия не имели о происхождении дневника, кроме того, что он был передан Джинни Люциусом Малфоем, и, конечно же, они не могли спросить у старшего хорька, где он его взял.

Обдумывая свою собственную жизнь, Гермиона предположила:

— Ну, письмо из Хогwartса уж точно вызвало в моей семье бурю волнений.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — сказал Гарри. Выражение его лица ожесточилось при воспоминании о совах, доставляющих сотни писем на Тисовую улицу, и о маниакальной реакции на них его собственного дяди. — В моей семье это тоже вызвало большой переполох, но Дамблдор лично передал Тому в приют его письмо, и этого приюта уже не существует. Он был снесен несколько десятилетий назад — я искал его в реестре лондонских архитектурных бюро. Я думаю, что пещера и медальон были символами его молодости, но в любом случае... Маггловский приют — не то место, где он хотел бы что-нибудь разместить; это место не будет подчеркивать его «особенность». Это должно быть где-то еще.

— Ну что ж... Еще меня каждый год поражает поездка на поезде из Хогсмида в Хогwartс; этот чудесный открывающийся вид на далекие огни величественных башен в обрамлении ночного осеннего неба.

— Лодки, — прошептал Гарри, придя к некому умозаключению, — переход через озеро в первый год в Хогwartсе... В лодках по озеру... Самый первый взгляд на Хогwartс. Не из вагона, а из лодки... Это самый впечатляющий вид, который я когда-либо видел... Это было потрясающе... Я был до смерти напуган, да... Но в то же время я был так взволнован! Видеть, как огни башен отражаются от мерцающей воды...

Гермиона вздохнула:

— Ты прав. Вид на замок с лодок действительно потрясающий — это самое яркое зрелище, которое я когда-либо видела; но ты правда думаешь, что Волдеморт спрятал бы хогкрукс в одной из лодок Хогwartса?

— Не в лодке... В озере! На дне озера! Он хотел, чтобы Хогвартс был укрытием для одного из его хоркруксов, и раз уж из-за Дамблдора он не смог попасть в замок, чтобы разместить его там, то озеро было бы просто идеальным местом!

Гарри прошмыгнул мимо Гермионы, поспешно вышел из комнаты и направился по коридору к главной спальне, где он уложил Котоне. Гермиона с любопытством последовала за ним, на ходу слушая его объяснения.

— Когда мы были в «Дырявом котле» после нападения на приют, Котоне показала мне воспоминания о некоторых местах. Скорее всего, это были мои собственные воспоминания, но я не могу вспомнить, чтобы я когда-то был в этих местах именно в тех конкретных ситуациях. В одном воспоминании я увидел, как смотрю на волшебную палочку в магазине Олливандера. Затем я увидел другое место, похожее на какой-то парк, и там был огромный фонтан, — Гарри пришлось сдержать гримасу ужаса, когда он вспомнил, что видел мертвую Гермиону, лежащую в этом фонтане. — Когда я это все увидел, у меня появилось ощущение, что я уже видел это и раньше... Я хочу увидеть это снова, чтобы быть уверенным. Если бы я увидел, что предполагаемый хоркрукс находится в магазине волшебных палочек, то, может быть, то место, которое я увидел в том парке, — это и есть ключ к другому хоркруксу.

Гарри вошел в спальню и опустился на колени у кровати. Котоне лежала, свернувшись клубочком под простыней, и судорожно металась, как будто ей снился какой-то неприятный сон. Гарри осторожно убрал прядь белых волос, спадавшую ей на лицо. Волосы мягко обвилились вокруг его пальцев, и, когда он убрал их в сторону, она как будто успокоилась от его прикосновения. Ее бледное лицо — та его часть, что была не прикрыта маской — казалась необычайно напряженной, и даже сквозь простыню он мог видеть, что ее хрупкое тело сейчас было еще тоньше, чем обычно. Когда он нес ее в спальню, он не обратил на это внимания, но теперь, когда Гарри об этом подумал, он заметил, что она выглядит намного меньше и легче, чем в тот день, когда он пытался отнести ее, раненую, в Хогвартс.

Он ненавидел ее будить, но надеялся, что у нее есть ключ, который ему необходим, чтобы найти последний пропавший хоркрукс. В своем стремлении обнаружить тайник с хоркруксом Гарри совсем забыл, что она всего лишь маленькая девочка; глядя на сонную Котоне, Гарри понял, что у него не хватает духа ее разбудить. Он вздохнул, а затем прошептал Гермионе:

— Наверное, мы не станем ее тревожить, пока она не проснется.

Когда Гарри вывел Гермиону из спальни, ни один из них не заметил легкой улыбки, которая появилась на накрашенных губах маски Котоне.

Как только они отошли от двери, желудок Гарри издал громкое жалобное урчание, напомнив ему о том, насколько он голоден. Даже под проливным дождем на улице было заметно, как начало светать. Он направился к лестнице, сказав:

— Я думаю, что Рон и Полумна скоро встанут. Пойдем на кухню, я приготовлю нам всем завтрак, и ты расскажешь мне обо всем, что написано в этих книгах.

Гарри не преминул заметить промелькнувший на лице Гермионы мимолетный страх, когда он упомянул про книги. Не отрывая взгляда от ковровой дорожки, Гермиона кивнула и последовала за Гарри с таким видом, как будто она вот-вот заболит. Он задавался вопросом, почему же она такая пугливая, но решил, что она все еще находится под впечатлением от использования Фиделиуса, отражения атаки Пожирателей Смерти, а также от столкновения со Снейпом и Нарциссой Малфой. И это уже не говоря о том, что она пережила встречу с Ним и уничтожила Его хоркрукс. Он знал, что у нее в последнее время было много дел, и Мерлин знает, как она со всем этим справилась, но все равно он чувствовал, что что-то тут не так. Что-то изменилось.

Гарри нахмурился, спускаясь по лестнице на второй этаж, но старался не показывать это Гермионе. Он слышал позади себя ее неуверенные шаги, когда пересекал холл, в котором теперь почему-то не было портрета. Он сделал мысленную заметку, что позже надо бы обязательно ее об этом спросить. Он знал, что она что-то скрывает от него, но понятия не имел, что же это могло быть.

Мысль о том, что она считает необходимым от него что-то скрывать, начинала действовать ему на нервы. Он думал, что их секреты друг от друга остались в прошлом. Учитывая ужасный исход предыдущего учебного года, сейчас было как никогда важно безоговорочно доверять друг другу. В конце концов, если он не может положиться на нее и Рона, тогда на кого он мог вообще может положиться? Ведь сейчас они нуждались друг в друге больше, чем когда-либо прежде. Они стали еще на один шаг ближе к цели, и он считал, что это будет позор, если они не достигнут успеха.

К тому времени, когда он закончил наполнять последнюю тарелку, его уже просто невыносимо раздражало мрачное настроение Гермионы. Он поставил перед ней тарелку, а затем опустился на стул перед своей собственной. Пока Гарри ел, он следил за ней — она угрюмо водила колбасой, наколотой на вилку, по кучке яичницы, лежащей на ее тарелке.

Ему окончательно надоела ее «удрученность»:

— Гермиона, что, черт возьми, тебя так расстраивает? Ты ведешь себя так, как будто ты не рада, что я пришел в себя, или что-то в этом роде. Это потому, что я оторвал тебя от твоего чтения?

Гермиона, не отрываясь от тарелки, ответила ему:

— Нет, конечно, нет... Это... Это...

— Это потому, что она стесняется быть Некромантом, — раздался ледяной голос из дверного проема, ведущего в холл.

Еще до того, как Гарри обернулся, он знал, что голос принадлежит Полумне; но его потрясло другое — то, что он не услышал в нем никакой обычной для нее отстраненности. Ее слова были пронизаны необузданной злобой, которая отчетливо ощущалась, пока она говорила. Когда он

действительно взглянул на дверной проем, он увидел Полумну, одетую в майку Рона, которая доходила ей до колен, что было совсем неудивительно. Рон грубо оттащил свою миниатюрную блондинку от дверного проема. У него на лице сейчас было самое униженное выражение, по-видимому, вызванное тем, что только что сказала Полумна.

Гарри услышал, как Рон шепотом ругает Полумну. Гарри не мог разобрать, что тот говорит, но, похоже, он был очень расстроен ее поведением. Гарри повернулся к Гермионе, которая все еще молча рассматривала еду на своей тарелке, и спросил:

— Что она имеет в виду, говоря о том, что ты Некромант?

Гермиона безумно хотела избежать этого вопроса, хотя и понимала, что невозможно скрыть от Гарри то, кем она является, и что она сделала. Тихим дрожащим голосом она ответила:

— Полумна имела в виду именно то, что она сказала. Я... Я Некромант... или, точнее, некромантия — это та сфера магии, в которой я наиболее сильна. Вот как я смогла изгнать из тебя фрагмент души Волдеморта.

И она вновь умолчала о том, что именно случилось с этим фрагментом души.

Гермиона ждала, пока Гарри что-нибудь скажет, глядя на свою тарелку, боясь поднять глаза, чтобы встретить его взгляд. Прошло несколько секунд, и она все больше убеждалась в том, что его молчание означает, что он стыдится ее. Наверное, он огорчен тем, кто она такая. Когда Гермиона больше уже не могла терпеть тишину, она бросила быстрый взгляд на его лицо и обнаружила, что у него совсем не то выражение, которое она ожидала увидеть. Гарри не выглядел рассерженным, испуганным или даже разочарованным. Он выглядел так, будто понятия не имел, о чем она говорила.

Не отрывая взгляда от тарелки, она сказала с нехарактерными для нее дрожащими нотками в голосе:

— Гарри... Я Некромант! По крайней мере, так меня описывает книга Котоне. Я наиболее опытна в самой темной сфере магии! Я, наверное, могу контролировать души и разговаривать с мертвыми. Я могу проклясть кого-то, и я сейчас не имею в виду просто наложить разрушительное заклинание. Я имею в виду, что я могу на самом деле, навсегда... Буквально... Наложить проклятие на чью-то жизнь! Это магия смерти, Гарри! Даже Непростительные заклинания по своей природе некромантичны, так что, скорее всего, я была бы в них особенно искусна! Почему ты смеешься, черт возьми!

Конечно, Гарри безуспешно пытался подавить смехок. Это то, из-за чего она была так расстроена? Он не совсем понимал, почему способность к некромантии — это так плохо? Он был уверен, что, судя по тому, как она вела себя, она скрывала нечто гораздо более ужасное, чем это.

— Гермиона, у нас нет такого предмета, в котором ты бы не преуспела. Не считая прорицаний и полетов, но даже Дамблдор не особо ценил прорицания, и я искренне верю, что твоя проблема с полетом — это всего лишь небольшая неуверенность в себе. Почему бы тебе не преуспеть в некромантии? Я думал, ты будешь рада изучать новую ветвь магии!

Гарри увидел потрясенный взгляд на лице Гермионы, когда она оторвалась от своей тарелки и посмотрела на него так, как будто он только что назвал ее Пожирателем Смерти. Он всегда думал, что им, скорее всего, придется больше узнать о «темной» магии, чтобы выдержать финальную битву с Волдемортом. Он вспомнил, как был напуган, когда ненастоящий профессор Грюм показал им Непростительные заклинания еще на четвертом курсе. Так что если у нее была естественная склонность к темным искусствам, это в долгосрочной перспективе могло им только помочь. Но, конечно, Гермиона была последним человеком, которого он когда-либо ожидал увидеть «темным», учитывая ее искреннюю озабоченность правами домашних эльфов и других магических существ. Он знал, что быть «темной» не в ее характере, и сейчас наблюдал, что это откровение причиняло ей столько страданий. Знать о темной магии и быть «темной» — это две совершенно разные вещи. Почему она не могла это понять?

Но, конечно, Гарри не мог не заметить, каким тоном Полумна объявила, кем является Гермиона. Бросив быстрый взгляд на дверной проем, он спросил ее:

— Почему Полумна так расстроена из-за тебя? Только не говори мне, что она злится из-за того, что ты Некромант.

— Гарри! — шепотом воскликнула Гермиона, обеспокоенно взглянув на дверь: — Мать Полумны умерла, потому что экспериментировала с некромантией! Я не могу винить ее за то, что она расстроена тем, кем я являюсь!

— А кем ты являешься, Гермиона? — спросил Гарри с явной насмешкой в голосе. — Большим, страшным и злым Некромантом? Может, ты собираешься сбежать и присоединиться к Волдеморту?

Глаза Гермионы расширились от удивления, и она воскликнула:

— Конечно, нет! Как ты вообще мог такое подумать... — она внезапно остановилась и прищурилась, глядя на него. — Перестань, Гарри. Я знаю, что ты пытаешься сделать. Да, я опираюсь на свои предвзятые представления о некромантии. Все, что я когда-либо слышала об этом, касалось темных волшебников. Я знаю, что не собираюсь завтра проснуться и начать готовить план, как захватить мир с полчищами солдат-мертвецов, но я не могу не волноваться, что это... как-то изменит меня.

Гарри с ничего не выражающим лицом сказал:

— Хочешь верь, хочешь нет, но я знаю, что ты чувствуешь. Помнишь, на втором курсе все думали, что я какой-то там темный волшебник, потому что я змееуст? — выражение лица

Гарри оставалось нейтральным, и он продолжил: — Послушай, ты невероятно умная, сосредоточенная, у тебя есть склонность быть немного прямолинейной, но ты знаешь, что иногда для общего блага правила нужно нарушать. Ты уравновешена, ты обладаешь здоровым уважением к авторитету и можешь быть немного... ну... упертой... время от времени... независимо от того, требует этого ситуация или нет.

Гермиона уже открыла рот, чтобы защищаться, но остановилась, когда Гарри успокаивающе поднял руку и продолжил:

— Но, кроме того, ты самая заботливая, сострадательная и добрая душа, которую мне когда-либо приходилось встречать. Если настанет день, когда ты всерьез задумаешься о том, чтобы стать следующей Темной Леди, то я съем свою «Молнию»! У тебя просто нет такой способности!

Гермиона вновь открыла рот, но прошло мгновение, и все, что у нее получилось — лишь тихий вздох, а затем у нее на губах промелькнула легкая улыбка облегчения. Она боялась, что Гарри плохо отреагирует на ее магические наклонности, но его понимание сотворило с ней чудеса... Она решила, что Гарри мог до конца не понимать, что такого плохого в некромантии, но услышав, как он рассуждает, она понадеялась, что не сможет измениться в худшую сторону против собственной воли.

Когда мимолетная улыбка, появившаяся на лице Гермионы, исчезла, она вновь посмотрела на свою тарелку и сказала:

— Я видела ее. Частицу души Волдеморта, которая проникла в тебя, когда ты был еще младенцем. Я смогла изгнать фрагмент из хоркрукса, но тот, другой... Он был с тобой так долго, что он... Он показался мне каким-то образом укорененным внутри тебя... Он все еще там, внутри тебя.

Гарри изменился в лице, но ответил:

— Ты можешь это видеть?

— Это определенное состояние, в которое я могу войти, используя Магию души — вроде того, во время которого Котоне завладевает твоим вниманием, когда она использует легилименцию.

— С этим можно что-то сделать?

— Я могу попробовать... Я имею в виду... я думаю, что я могу, но... — Гермиона заколебалась, прежде чем продолжить: — Но я не знаю, хочешь ли ты, чтобы я попробовала прямо сейчас.

Гарри недоверчиво посмотрел на нее, прежде чем ответить:

— Почему ты считаешь, что я хочу сохранить в себе кусочек Волдеморта?

— Ну-у, я думаю, что тебе это может понадобиться, по крайней мере, до тех пор, пока ты не будешь готов встретиться с ним лицом к лицу. Подумай об этом. Я знаю, что часть его души обеспечивает связь между тобой и Волдемортом, и я считаю, что это именно та причина, по которой он смог «овладеть» тобой в Министерстве. Но, похоже, он в последнее время не хочет использовать этот способ. Ведь для него это палка о двух концах. Да, он может навязать тебе свои мысли, но ты тоже можешь прочесть его мысли, когда его бдительность снижена. Хотя это и не совсем та причина, по которой ты можешь еще на какое-то время сохранить часть его души.

И вновь Гермиона сделала паузу, очевидно, решая, стоит ли ей делиться с ним своими мыслями, и поняла, что сейчас уже не время отступать. Она бросила на него извиняющийся взгляд и продолжила:

— Я считаю, что именно этот фрагмент делает тебя змееустом. Нам еще предстоит иметь дело с Нагини, но если ты действительно уверен, что тебе не нужна эта связь, и хочешь рискнуть, то я обязательно попробую. Но ты потеряешь свою способность к парселтангу. Я просто хотела убедиться, что ты понимаешь, чем это может для тебя обернуться.

Гарри молчал, размышляя о том, что она ему только что сказала. Он посмотрел на Гермиону и увидел, что она опять гоняет вилкой по тарелке свою еду.

— Есть ведь что-то еще, да?

Гермиона мельком взглянула на него и кивнула. Прошло несколько секунд в тишине, прежде чем она подняла голову и сказала:

— Ты знаешь, как тот эликсир, который использовала Джинни, разрушил нашу с тобой связь? Срок истек, и теперь он не сможет нанести нам большего вреда, чем уже нанесен. У меня была возможность изучить формулу действия эликсира, и я поняла, что он сделал с каждым из нас. Поняла, почему Джинни оказалась в больнице и как он повлиял на нас с тобой.

Гермиона выглядела очень смущенной, когда пыталась ему объяснить:

— Мне нужно задать тебе один вопрос, и мне нужно, чтобы ты честно на него ответил, — она подождала, пока Гарри кивнет, прежде чем спросить: — Когда в последний раз у тебя были какие-нибудь мысли о сексе?

Гарри ожидал услышать какой угодно вопрос, но только не этот. Он видел серьезный, хотя и немного смущенный взгляд Гермионы, которым она на него смотрела, и знал, что она на капли не шутит. Гарри задумался еще на несколько минут. Единственный случай, о котором он смог вспомнить, был как раз на прошлой неделе.

С легким румянцем на щеках он признался:

— Когда я вернулся на Тисовую улицу... Я увидел тебя в... Ну, ты знаешь...

Гермиона быстро отвела глаза, и ее собственные щеки приобрели розоватый оттенок, но она продолжила без всяких колебаний:

— Хорошо, ты согласен, что у кого-нибудь в подобной ситуации возникли бы мысли о сексе?

— Конечно, если только он не гомосекс, — честно ответил он.

— А когда был предпоследний раз?

На этом вопросе Гарри задумался. Он думал, наверное, целую минуту, но не смог вспомнить ни одного случая, когда бы у него возникали подобные мысли.

Гермиона восприняла его молчание как ответ, а затем задала ему вопрос, которого он точно никак не ожидал услышать от своей лучшей подруги:

— Когда ты в последний раз мастурбировал?

Глаза Гарри расширились, а его челюсть отвисла, и он сейчас напоминал садового гнома, которого только что «раскрутили» и «швырнули» через садовую изгородь. Его румянец стал еще ярче, как и румянец Гермионы, но, тем не менее, его поразила эта мысль.

Он недоверчиво ответил:

— Ну... Больше года назад, наверное... Может быть, два года назад...

— Гарри, через несколько дней тебе исполнится семнадцать. Можно ли сказать, что отсутствие мастурбации — это «нормальное» поведение для подростка, достигшего половой зрелости?

Он смущенно замолчал и лишь покачал головой.

— Вернемся к эликсиру. Изначально у него двоякая роль. Во-первых, он подавляет между возлюбленными «хорошие» воспоминания и усиливает «плохие», а во-вторых, подавляет сексуальные побуждения у жениха. У него нет физического влечения, а тем более отношений с другим человеком, обозначенным при проведении ритуала. По сути, он блокирует нормальные гормональные побуждения в паре возлюбленных, и этот эффект сохраняется до тех пор, пока ритуал не будет активирован. Отчасти потому, что ты полукровка, и отчасти потому, что между тобой и Джинни нет родственных связей, твоё сексуальное влечение действительно было

подавлено, как и было задумано, но когда сработал спусковой крючок — тот наш поцелуй, вся подавленная сексуальная энергия, накопившаяся внутри тебя, была передана Джинни.

Гарри молча слушал. Увидев, что он, кажется, понимает, о чем она говорит, Гермиона продолжила свои объяснения:

— Если бы она была твоей биологической матерью, эротизм передаваемых эмоций превратился бы в семейную привязанность и поделился бы между вами обоими, укрепляя связь между родителем и ребенком. Имея такую сильную связь, ребенок будет делать все, что пожелает родитель, включая разрыв отношений с «грязнокровной» девушкой. Я подозреваю, что эти эротические эмоции «просачивались» в Джинни с тех пор, когда она во второй раз использовала эликсир, и когда мы поцеловались, поток гормональной сексуальной энергии, наверное, просто захлестнул ее.

Преодолев свое смущение, Гарри спросил:

— Ну, и что со всем этим можно сделать? Я имею в виду, есть ли способ вернуть то, что у нас было?

И Гарри, и Гермиона, казалось, на мгновение ушли в себя, ведь каждый из них думал о своих чувствах по отношению друг к другу... до того, как коварный эликсир вмешался в их жизнь.

Гермиона первой вырвалась из капкана своих мыслей и ответила:

— Я уже как раз подхожу к этому. У нас есть способ восстановить нашу душевную связь, но это можно будет сделать только после того, как будет разорвана искусственно созданная связь с Джинни.

— Хорошо... Так как мы собираемся разорвать эту связь?

— Мы не можем это сделать, — грустно сказала Гермиона. — Джинни — единственная, кто может разорвать эту связь. Если она откажется, мы никогда не вернем то, что у нас... почти уже было.

В этот момент в дверном проеме снова появился смущенный Рон, но уже без Полумны. Он подошел к столу и сказал:

— Эй, как ты себя сегодня чувствуешь? Ты нас всех тут немного напугал.

— У меня все в порядке... Просто я устал столько времени валяться и не обращать внимания на мир вокруг, понимаете? — со вздохом сказал Гарри. — А что насчет тебя? Гермиона рассказала мне о том, что с тобой случилось.

Рука Рона рассеянно потянулась к его животу, и он ответил:

— Один из нападавших ударил дверь заклинанием Reducto — кусок древесины попал мне в кишечник, но сейчас мне намного лучше. Наверное, у меня на животе останется небольшой шрам.

Рон быстро оглянулся через плечо в сторону зала, а затем спросил у Гарри:

— Послушай, ты не мог бы открыть для нас камин? Полумне нужно вернуться домой, чтобы поговорить с отцом, и я мог бы отправиться с ней... Э... Чтобы купить продуктов... У нас совсем мало осталось...

Гермиона вкратце объяснила Гарри, что камин в этом доме был отключен от каминной сети при переходе права собственности; она объяснила ему, как настроить камин, чтобы можно было перемещаться. Когда она закончила, Гарри встал и слегка улыбнулся, заметив, что она наконец-то взяла вилку и начала есть.

Он последовал за Роном в кабинет на втором этаже, где его ждала странно подавленная Полумна. Гарри настроил камин и пронаблюдал, как Рон последовал за Полумной в потрескивающее зеленое пламя камина и исчез.

Он повернулся к двери, намереваясь вернуться на кухню, чтобы доест свой остывший завтрак, но неожиданно увидел сонную Котоне, стоящую в дверном проеме, прислонившись к косяку. Он заметил, что красные покрашенные губы на ее керамической маске поджаты, как будто она чем-то расстроена. Он собирался спросить ее, что случилось, но был удивлен звуком ее мягкого, нежного голоса сквозь маску.

— Брат Лев, я не очень хорошо себя чувствую...

Прежде чем Гарри успел двинуться с места, Котоне сползла по стене, и ее крошечное тело рухнуло на пол.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818749>